

Ташкент-83:

ПИСАТЕЛЬ

И СОВРЕМЕННЫЙ

МИР

Нет нужды представлять читателям советского прозаика Чингиза Айтматова и пакистанского поэта Фаиза Ахмада. Сегодня они, ветераны движения афро-азиатских писателей, ведут беседу о культурных и литературных проблемах двух огромных континентов, о путях духовного развития их стран и народов, о главной задаче всех людей доброй воли — устранить угрозу ядерного всеуничтожения.

Ч. А. Прошло уже двадцать пять лет с тех пор, как писатели Азии и Африки в первый раз собрались в Ташкенте. Они сознательно объединились, чтобы сообща искать пути к выравниванию диспропорции в развитии народов их континентов. Возникшей как прямое следствие колониального господства. Сегодня, как никогда, очевидно, что эта конференция, проводившаяся в Ташкенте в 1958 году, была событием действительно историческим. Фаиз, вы один из основателей движения писателей Азии и Африки, так, может быть, попробуем заново осмыслить, с чего мы начинали и к чему теперь пришли?

Ф. А. Ф. Хорошо, попробуем. Согласитесь, минувшая четверть века была очень плотной, насыщена необычайно важными событиями, изменениями и мир, и всех нас в нем. Наше движение, как вы только что сказали, образовалось в результате крушения колониальных империй, в ту пору, когда империализм не терял времени, начал действовать с фланга — с позиций неоколониализма: уйдя формально, он оставил в бывших колониях свои корни, создавая там сферы экономического и культурного угнетения. Это вызвало острейшую реакцию — сплочение прогрессивных сил перед лицом нового маневра империализма.

Из всей совокупности факторов, вызвавших к жизни объединение писателей бывших колоний, самым важным мне лично кажется становление нового сознания, сознания людей, добившихся после долгого подавления их свободы права жить самостоятельно. Речь шла о необходимости скорейшей духовной деколонизации, одним из важнейших и сложнейших аспектов деколонизации в целом. И в этом плане объединение усилий и обмен опытом стали требованием времени.

Ч. А. Я хотел бы добавить, что как раз в то время человечество приблизилось к историческому осознанию необходимости расширения контактов; в том числе, и быть может, прежде всего, — в области культуры. Начинаясь закладка основ контактов нового типа — не стихийных, а организованных. При том, что особую потребность в них испытывали народы освобождающихся стран — им ведь предстояло проломить стену вековой колониальной изоляции, — аналогичные процессы шли во всем мире, благо, появились не-

которые над этим мы размышляли, все равно не постигаются умом, — уничтожения жизни на земле. Это же значит, что вместе с нами погибнет все существовавшее до нас и что будущее останется нерожденным. Так, может быть, теперь художественная мысль, обратившись к неслыханному потрясению душ и умов, вызванному ощущением нависшей ответственности и общей ответственности, пониманием невозможности быстро от нее избавиться и необходимости избавиться незамедлительно, так, может быть, художественная мысль, погруженная в это состояние, вынесет из него великое прозрение?

Ф. А. Ф. Это верно, но одна мысль мне просто не дает покоя. Вы, Чингиз, много моложе меня, а я хорошо помню тридцатые годы, когда впервые поднял голову фашизм и передовая часть человечества поняла, какую угрозу миру он несет. Я сейчас имею в виду не только антифашистский фронт, а общую эмоциональную атмосферу тех лет, потребность всякого разумного человека действовать, бороться против омерзительной чумы. Угроза, нависшая сейчас над нами, многократно превышает угрозу фашизма — даже сравнить нельзя! Но я все спрашиваю себя: а сумели ли мы вложить такую же страсть в борьбу против коллективного самоубийства, создать такую же эмоциональную атмосферу яростного сопротивления античеловеческим планам? И с горечью отвечаю себе — пока нет. В плане эмоциональном, творческом сумели мы создать художественные ценности, например, литературные произведения, настолько же эмоционально эффективные, как антифашистская литература прошлых лет?

Ч. А. Вопрос вы задали суровый, но, не спорю, основания задать его есть. Давайте попробуем разобраться. Фашизм, при всей его устрашающей отвратительности, все-таки еще оставался в пределах представлений о зле. И он был конкретен, его можно было разглядеть, возненавидеть, сказать себе — с этим я никогда не смирюсь. Но сейчас человечество переступило новый порог познания и явно оказывается неподготовленным к этому ни в социальном, ни в нравственном отношении. Оно получило в руки энергию космической мощи и угрожает ею себе же — само себе. Страшно, когда на Западе поднимают головы те силы, которые открыто заявляют о готовности обрушить ядерную мощь на «иннекомыслящие» общества. Это они готовы сделать ради сохранения своих устоев существования, однако никакие кустовые не могут быть оправданием, когда речь идет о самой жизни вообще... Невозможно отрешенно обдумывать вероятность подобной катастрофы — даже сухая информация вызывает взрыв эмоций. Может быть, характер этих эмоций таков, что он трудно поддается переводу в образный ряд искусства. Рост антивоенных манифестаций уже свидетельствует о зрелости интеллектуального осмысления людьми нависшей над миром опасности. Но что касается нас, художников, — действительно мы должны в это страшное время найти способ донести до сердец людей невозможность смириться с гибелью самой жизни.

Ф. А. Ф. Наша осень встречала в Ташкенте проходит под девизом «Писатель и современный мир», и, без сомнения, тема войны и мира займет главенствующее место на этой конференции, которая отражает творческий, писательский поиск путей отвески угрозы от нашей планеты.

на то, чего мы достигли за десятилетия.

Ч. А. Сохраняя свою разность, народы тем временем сблизились настолько, что это стало фактором истории — все мы на каждом шагу ощущаем взаимовлияние и живем в стихии всевозрастающей взаимосвязи культур. И это — одна из наиболее характерных черт нашего времени и нашего в нем бытования. Более того, это фактор долговременного действия, дальнейший ход и последствия которого мы вряд ли сейчас в состоянии предвидеть. Дело футурологов строить модели планетарной или, может быть, социализма. И шли по нему самыми первыми в мире.

ДОНЕСТИ ДО СЕРДЕЦ ЛЮДЕЙ

Ф. А. Ф. Октябрьская революция была началом революции в сознании всех колониальных и зависимых народов.

Ч. А. Хорошо, попробуем. Согласитесь, минувшая четверть века была очень плотной, насыщена необычайно важными событиями, изменениями и мир, и всех нас в нем. Наше движение, как вы только что сказали, образовалось в результате крушения колониальных империй, в ту пору, когда империализм не терял времени, начал действовать с фланга — с позиций неоколониализма: уйдя формально, он оставил в бывших колониях свои корни, создавая там сферы экономического и культурного угнетения. Это вызвало острейшую реакцию — сплочение прогрессивных сил перед лицом нового маневра империализма.

Ф. А. Ф. Да, конечно, а если добавить к этому значительное отчуждение писателя и от мировой художественной мысли — он мог соприсоединиться к ней только через колонизаторов, — то станет ясно, как важно было установить контакты Азии и Африки с мировой культурой. Налаживались взаимные контакты, и неслучайно, что неудивительно — многое ведь делалось впервые. Нелегко дался переход от пылких манифестаций к литературе глубокого исследования жизни. Я думаю, что уже сегодня лучшие произведения афро-азиатских писателей можно сопоставить с одним рядом с современной классикой мировой литературы. Не будь у нас возможностей сопоставлять себя с другими, использовать модели, созданные до нас, — наверняка, потребовались бы века

Ф. А. Ф. Да, конечно, а если добавить к этому значительное отчуждение писателя и от мировой художественной мысли — он мог соприсоединиться к ней только через колонизаторов, — то станет ясно, как важно было установить контакты Азии и Африки с мировой культурой. Налаживались взаимные контакты, и неслучайно, что неудивительно — многое ведь делалось впервые. Нелегко дался переход от пылких манифестаций к литературе глубокого исследования жизни. Я думаю, что уже сегодня лучшие произведения афро-азиатских писателей можно сопоставить с одним рядом с современной классикой мировой литературы. Не будь у нас возможностей сопоставлять себя с другими, использовать модели, созданные до нас, — наверняка, потребовались бы века

здесь этот термин в широком его понимании — начался с эпохи колониального вторжения, но отнюдь не закончился с завоеванием независимости. Западная культура так и не проникла в толщу народных масс: и по причине отсутствия тогда технических средств для ее повсеместного распространения, да и, пожалуй, потому, что колонизаторы не очень или вовсе не были заинтересованы в общении с ней народов колоний. Зачем? Миссионерам достаточно было понемногу обращать туземцев в христианство, администраторам — готовить вспомогательный персонал из местной знати, из коллаборационистской среды, готовой, как всегда в истории, к любым уступкам любых национальных интересов ради своей сионимичной выгоды — быть подчиненными господствующим силам. Иное

Ч. А. Ф. Видите ли, я сам по природе прежде всего читатель. Да еще к тому же пишу. Что может быть лучше книги? Но литература — это плоть языка. Вот вы уже говорили о проблемах национальных языков. Жителям многоязычных стран, таких, скажем, как наша и моя, прежде чем научить детей читать, нужно решить — на каком языке? Советский Союз принято приводить как пример страны, лучше других решившей языковую проблему. И хотя многие страны, особенно афро-азиатские, изучают ваш опыт,

ДИАЛОГ ЧИНГИЗ АЙТМАТОВ — ФАИЗ АХМАД ФАИЗ

Ч. А. В том-то и дело! И можно также освободиться от ненужных эмоций, если рассматривать второй язык как орудие, как инструмент общения, причем инструмент многоцелевого назначения, который служит каждому, кто умеет пользоваться им.

Ф. А. Ф. Хочу добавить только одно — языковая политика должна выработаться на основе реально существующих факторов и с обязательным учетом того, к чему мы с вами все время возвращаемся в нашем разговоре, — мир изменился, и ни один народ не может жить в нем изолированно от остальных. А значит, и языковая политика должна быть направлена на приобретение новых, более широких возможностей общения.

Ч. А. Видите, что получается, дорогой Фаиз, — о чем бы мы ни заговорили, все выводит нас на проблему всепланетных перемен и острой необходимости разумного осмысления их. Частное все равно подчиняется общему. И, конечно, коренным отличием современной эпохи от всех предшествующих является страшный, непреодолимый факт — сегодня человечество способно уничтожить себя.

Ф. А. Ф. И вся наша деятельность должна быть подчинена главному — не допустить гибели человечества, все время помнить о том, что мы все должны научиться жить вместе, что какими бы разными ни были наши политические, идеологические, религиозные позиции, никакие проблемы не могут решаться с помощью применения силы.

Ч. А. Человечество, раздираемое противоречиями, разномыслием, разделенным на классы, политические системы и блоки, существующее одновременно в разных временных пластах, — вот это человечество испытывает общую опасность. В любой день может разразиться всеобщее ядерное побоище, может произойти то, что,

стараясь хоть частично применить его у себя, конечно, он может дать плоды только в социалистическом государстве. Найти же выход необходимо опять-таки безотлагательно, так как ликвидацию неграмотности отложить нельзя. Возникает конкретный вопрос: какой же язык станет средством внутрисоциального общения? Язык колонизаторов? Один из местных, выбор которого неизбежно приведет к взрыву националистических эмоций? Трудно относиться к родному языку без эмоций — он же родной! Существуют две точки зрения на этот счет: язык бывших колонизаторов чужд нам по духу, это язык поработителей и, не отказавшись от него, мы так и не добьемся развития национальных языков, что подорвет нашу самоидентичность. Другая точка зрения: мы принимаем язык, оставленный нам судьбой, и стараемся модифицировать его таким образом, чтобы он соответствовал особенностям нашего национального характера и культуры. Этот язык вступит в реакцию синтеза с нашими языками — дитя от смешанного брака начнет свое, отличное от родителей существование. Вы понимаете, что я упрощенно излагаю и первую, и вторую точки зрения, но суть их именно такова.

Ч. А. Меня эта проблема очень волнует, как вы видите, и я хотел бы отметить, что языковой вопрос во всем мире является одним из главных вопросов культурной политики, а в настоящее время он приобрел просто небывалую остроту. Как человечество будет общаться в отдаленной перспективе — будет зависеть от ве-

Ф. А. Ф. Да, конечно, а если добавить к этому значительное отчуждение писателя и от мировой художественной мысли — он мог соприсоединиться к ней только через колонизаторов, — то станет ясно, как важно было установить контакты Азии и Африки с мировой культурой. Налаживались взаимные контакты, и неслучайно, что неудивительно — многое ведь делалось впервые. Нелегко дался переход от пылких манифестаций к литературе глубокого исследования жизни. Я думаю, что уже сегодня лучшие произведения афро-азиатских писателей можно сопоставить с одним рядом с современной классикой мировой литературы. Не будь у нас возможностей сопоставлять себя с другими, использовать модели, созданные до нас, — наверняка, потребовались бы века

Ф. А. Ф. Да, конечно, а если добавить к этому значительное отчуждение писателя и от мировой художественной мысли — он мог соприсоединиться к ней только через колонизаторов, — то станет ясно, как важно было установить контакты Азии и Африки с мировой культурой. Налаживались взаимные контакты, и неслучайно, что неудивительно — многое ведь делалось впервые. Нелегко дался переход от пылких манифестаций к литературе глубокого исследования жизни. Я думаю, что уже сегодня лучшие произведения афро-азиатских писателей можно сопоставить с одним рядом с современной классикой мировой литературы. Не будь у нас возможностей сопоставлять себя с другими, использовать модели, созданные до нас, — наверняка, потребовались бы века

Ф. А. Ф. Да, конечно, а если добавить к этому значительное отчуждение писателя и от мировой художественной мысли — он мог соприсоединиться к ней только через колонизаторов, — то станет ясно, как важно было установить контакты Азии и Африки с мировой культурой. Налаживались взаимные контакты, и неслучайно, что неудивительно — многое ведь делалось впервые. Нелегко дался переход от пылких манифестаций к литературе глубокого исследования жизни. Я думаю, что уже сегодня лучшие произведения афро-азиатских писателей можно сопоставить с одним рядом с современной классикой мировой литературы. Не будь у нас возможностей сопоставлять себя с другими, использовать модели, созданные до нас, — наверняка, потребовались бы века

Ф. А. Ф. Да, конечно, а если добавить к этому значительное отчуждение писателя и от мировой художественной мысли — он мог соприсоединиться к ней только через колонизаторов, — то станет ясно, как важно было установить контакты Азии и Африки с мировой культурой. Налаживались взаимные контакты, и неслучайно, что неудивительно — многое ведь делалось впервые. Нелегко дался переход от пылких манифестаций к литературе глубокого исследования жизни. Я думаю, что уже сегодня лучшие произведения афро-азиатских писателей можно сопоставить с одним рядом с современной классикой мировой литературы. Не будь у нас возможностей сопоставлять себя с другими, использовать модели, созданные до нас, — наверняка, потребовались бы века

Ф. А. Ф. Да, конечно, а если добавить к этому значительное отчуждение писателя и от мировой художественной мысли — он мог соприсоединиться к ней только через колонизаторов, — то станет ясно, как важно было установить контакты Азии и Африки с мировой культурой. Налаживались взаимные контакты, и неслучайно, что неудивительно — многое ведь делалось впервые. Нелегко дался переход от пылких манифестаций к литературе глубокого исследования жизни. Я думаю, что уже сегодня лучшие произведения афро-азиатских писателей можно сопоставить с одним рядом с современной классикой мировой литературы. Не будь у нас возможностей сопоставлять себя с другими, использовать модели, созданные до нас, — наверняка, потребовались бы века

Ф. А. Ф. Да, конечно, а если добавить к этому значительное отчуждение писателя и от мировой художественной мысли — он мог соприсоединиться к ней только через колонизаторов, — то станет ясно, как важно было установить контакты Азии и Африки с мировой культурой. Налаживались взаимные контакты, и неслучайно, что неудивительно — многое ведь делалось впервые. Нелегко дался переход от пылких манифестаций к литературе глубокого исследования жизни. Я думаю, что уже сегодня лучшие произведения афро-азиатских писателей можно сопоставить с одним рядом с современной классикой мировой литературы. Не будь у нас возможностей сопоставлять себя с другими, использовать модели, созданные до нас, — наверняка, потребовались бы века

Сокращенный вариант. Полный текст беседы публикуется в журнале «Вопросы литературы», № 9.

Записала М. САЛГАНИК